

19.03.98

Солженицын

Александр

“СТРОИТЬ РОССИЮ НРАВСТВЕННУЮ”

Вышло собрание публицистики
А.И. Солженицына в 3 томах

Публицистика Александра Солженицына приходила к читателям разными путями: в машинописных копиях “самиздата”, через помехи радиоэфира, со страниц диссидентских сборников и газет русской эмиграции. В эпоху гласности слово Солженицына звучало в полную мощь многомиллионных тиражей советской периодики. Вернувшись в Россию, писатель недолгое время имел возможность обращаться к соотечественникам с экрана телевизора. Недавно ярославское книжное издательство “Верхняя Волга” завершило выпуск трехтомного собрания публицистики Солженицына, составленного и подготовленного к печати Н.Д. Солженицыной.

Труд — 1998. — 19

Около 200 текстов различного объема и жанра, созданных с 1969 по 1994 год, обрели новое дыхание. У каждого из них особая история появления на свет, особая задача и свой адресат, но при “сквозном” чтении трехтомника оказывается, что это не сборник отдельных статей, а единная книга, главы которой писались в течение двадцати пяти лет. Еще один своеобразный “узел” “красного колеса” русской истории.

Открывающая издание Нобелевская лекция — необходимый пролог в мир публицистики Александра Солженицына. Полнота нравственного чувства, ясность и глубина мысли выявляют масштабы предстоящего разговора: “Однажды взывшись за слово, уже потом никогда не уклонишься: писатель — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он — совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом”. Заданный Нобелевской лекцией тон предельной ответственности за все происходящее в стране и мире нигде не снижается, заражая и заряжая своим этическим максимализмом.

Центральная тема книги, ее нерв и боль — Родина во лжи. Эта тема осознается писателем как национальная трагедия, корни которой уходят еще в допетровские времена, а финал обозначился в наши дни с шекспировской остротой: “быть нашему народу или не быть?” Ложь современной России, истребляемой и истребляющей себя всеми возможными способами, — это не преодоленная раскаянием и от того многократно усиленная ложь России советской — ложь атеизма и коммунистической идеологии, тоталитарной государственности и “пролетарского интернационализма”. Но ложь России советской, в свою очередь, впитала в себя, безобразно умножив и усугубив, ложь России царской — ложь церковного раскола и крепостничества, бюрократизма и имперских амбиций. “Мы должны строить Россию нравственную — или уж никакую, тогда и все равно”, — убежден Солженицын.

Обличение лжи — неизменная составляющая всех выступлений Солженицына, к кому бы вопросу общественной, культурной или международной жизни он ни обращался, “ибо когда люди отшатываются от лжи — она просто перестает существовать. Как раза, она может существовать только на людях”. И поэтому вполне естественно, что главным интеллектуальным инструментом публицистики Солженицына стал жизненный принцип писателя: “Жить не по лжи!”

Любая, даже самая сложная проблема проясняется, когда она озарена светом истины. “А истина, а правда во всем мировом течении одна — Божья,” — напоминает Солженицын в статье “Наши плюралисты”, — и все-таки кто и неосознанно, жаждем именно к ней приблизиться, прикоснуться. Многообразие мнений имеет смысл, если прежде всего, сравнением, искать свои ошибки и отказываться от них. Искать все же — “как надо”. Искать истинные взгляды на вещи, приближаться к Божьей истине, а не просто набирать больше “разных”. Исследуя действительность в координатах христианского мировоззрения, в координатах любви, сострадания, рассказаний и самоограничения, Солженицын в своих прогнозах часто оказывается точнее и дальновиднее иных профессиональных экспертов.

В русской общественной мысли XX века Солженицын, возможно, единственный последователь и продолжатель духовных исканий Достоевского. Он не спорит с Достоевским, не интер-

претирует его, а идет его путем.

Солженицын менее романтичен, чем Достоевский, который призывал современников поверить, да и сам верил, что “Золотой век в кармане” и установление рая на земле возможно. Но ведь Солженицын и “старше” Достоевского на целое столетие.

И какое столетие! “Сегодня, — отмечал Солженицын еще в 1983 году в Темпелтоновской лекции, — мир дошел до грани, которую если бы нарисовать перед предыдущими веками — все бы выдохнули в один голос: “Апокалипсис!”... Мы свидетели

где подневольного разрушения, а где добровольного саморазрушения мира. Весь ХХ век втягивается в крутящуюся воронку атеизма и самоуничтожения”. При всей жесткости своих оценок Солженицын тем не менее не теряет веры в возможность одоления мирового зла: “Наши пять континентов — в смерче. Но в таких испытаниях и проявляются высшие способности человеческих душ”. Как писал Достоевский, “бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие”.

Трехтомное собрание публицистики Солженицына можно читать как документальное повествование о полной драматизме и героической жертвенности истории диссидентского движения в СССР. Судьбы десятков противников тоталитарного режима встают перед глазами — А. Сахарова, И. Шафаревича, А. Гinzбурга, почти уже забытых сегодня С. Шрамко, В. Осипова, И. Огурцова, И. Дядькина, С. Ходоровича. Многочисленные письма протеста, заявления для печати, интервью, обращения к международной общественности, представленные в издании с исчерпывающей полнотой, уточняют и роль самого Солженицына в событиях тех лет. Он сам был событием, которое определило характер и направление всего процесса — “из-под глыб”.

Особую притягательность публицистике Солженицына придает ее практическая направленность. Писателю чужда отвлеченность рассуждений кабинетного мыслителя. Его ум постоянно настроен на творческое отношение к миру. Он всегда стремится дать конкретный ответ на вопрос: “Что делать?” “Непосильно трудно составлять какую-либо стройную разработку вперед, — признается в 1990 году Солженицын во вступлении к эссе “Как нам обустроить Россию?”, зная все сложности подобного рода проектов,

— она, скорее всего, будет содержать больше ошибок, чем достоинств, и с трудом послужит за реальный ходом вещей. Но и: нельзя вовсе не пытаться”. Последнее предложение могло бы стать эпиграфом ко всему публицистическому наследию Солженицына.

Читая ярославский трехтомник, невольно вспоминаешь слова Василия Розанова, сказанные им о Чернышевском: “Конечно, не использовать такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием... С самого Петра (I-го) мы не наблюдаем еще натуры, у которой каждый час бы дышал, каждая минута жила и каждый шаг овеян “заботой об отечестве”. Неужели же это вечная судьба России — ум, энергию, волю самых любящих своих сынов, самых бескорыстных и искренних — “не использовать”? Но если “нет пророка в своем отечестве”, то — это наша вина. А не услышать сегодня Солженицына, не внять его слову — будет “преступлением, граничащим со злодеянием”.

Павел ФОКИН.

Фото Вячеслава Кругликова.